

«МУЖСКАЯ» И «ЖЕНСКАЯ» ЦИВИЛИЗАЦИИ: ТЕОРИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Р.И. СОКОЛОВА

1. Глубинные основания западной и российской цивилизаций

Социальная философия находится в поисках адекватных средств для систематического концептуального освоения изменившейся российской реальности, поскольку многие явления и процессы в государстве и обществе нельзя объяснить в парадигме нынешних знаний. Кроме того, в социальной философии не может быть раз и навсегда заданных решений, ей приходится как бы заново решать вопросы социального бытия людей во всех возможных измерениях в каждый новый период истории.

Целесообразно начать с того положения, что полная картина происходящего, как бы явственно в ней ни были выражены частные тенденции, будет невозможна, если в ней не учитываются универсальные векторы и закономерности. Это предполагает анализ особенностей взаимодействия между такими важными структурами, как цивилизации (в данном случае речь идет о западной и российской цивилизациях).

Сегодня на Западе появляется много исследователей, которые, оставаясь порой на уровне смутных представлений, начинают осознать, что их цивилизация является односторонней, одномерной. Появилась потребность понять, чего именно недостает западной цивилизации, что составляет ее суть. Одной из известных попыток такого рода является выдвинутое английским ученым Р. Тарнасом определение сути западной цивилизации как цивилизации, пронизанной преимущественно «мужским началом».

В чем же эвристическая ценность данной идеи и почему есть смысл обратиться к ней? Эта идея предполагает, что существует нечто важное, чего нельзя удовлетворительно объяснить словами нашего современного языка. В то же время эта идея содержит в себе в свернутом виде целое мировоззрение, кратко, без перевода открывает глубинный смысл человеческой истории. В таком виде данная идея, выраженная в символической форме, может содержать еще много непознанного, что дает основания каждый раз заново обращаться к ней. А символическая форма позволяет раскрывать ту часть ее содержания, которая становится в определенный момент актуальной, которая созвучна веяниям времени.

Это особый подход, выходящий за рамки нашего обыкновенного рационального познания, с его помощью люди во все времена искали и находили способы сообщать друг другу нечто такое, что превосходит пределы и возможности языка. Необходимость в нем возникает всякий раз, когда появляется потребность объять необъятное, соединить видимое и невидимое, связать между собой прошлое, настоящее и будущее.

Идея о преимущественно мужском характере западной цивилизации в метафизическом плане содержит некий посыл, состоящий в том, что где-то в пространстве и времени существует вторая, дополняющая ее часть, возможность их некоего взаимодействия. Она, естественно, характеризуется как «женское начало» и относится (так сложилось в истории идей) преимущественно к российской цивилизации. Такая интерпретация имеет определенную традицию в русской религиозной философской мысли конца XIX – начала XX вв.

Характеристика обеих цивилизаций в понятиях мужское/женское, с одной стороны, имеет давнее происхождение, а с другой – сохранилась в современности, видимо, потому, что она раскрывает глубинный смысл взаимодействия обеих цивилизаций. Поскольку менталитет людей, относящихся к западной и российской цивилизациям, существенно различается, то оценка этих различий в категориях «мужское/женское» может многое объяснить в сегодняшней ситуации. Такой подход изначально налагает отпечаток на определение характера российской цивилизации как обусловленной взаимодействием с западной цивилизацией. Он более отчетливо выявляет сущность этого растянутого во времени взаимодействия как негармоничного, неравноправного, а иногда и принудительного. Спрессованность во времени приводит к забвению истинных причинно-следственных связей, целостной стратегии того, что во времени разорвано и растянуто.

Гипертрофированная мужественность проявилась в стиле мышления, во всех основополагающих религиозных, научных и философских воззрениях западной культуры: в ее ярко выраженном рационализме, в объективистской науке, возникшей в Европе Нового времени, в просветительском возвеличивании хладнокровного рассудочного «его», полностью отделившегося от внешней природы. «Мужское начало» проявлялось как принцип, мотив, движущая сила организации социальных форм жизни, воспроизводящихся в многократных вариациях и

построениях. Но для утверждения своей доминанты «мужскому началу» понадобилось потеснить и подавить «женское»¹.

Западная цивилизация с ее мужским типом мышления закономерно приняла для себя и мужскую модель поведения. Период социальной эволюции, в который происходило формирование мужского начала, разворачивался в длительном процессе становления общественных форм, оказывавших свое воздействие на последующие эпохи вплоть до настоящего времени. Индивиды выступали как бы вписанными в этот поток мужественной стихии, были элементами воплощенной мужественности. Мужской способ бытия стал реализовывать и модифицировать социальное развитие, выражать ход процессов и определять их логику. Воспроизводство и трансформация социального процесса обеспечиваются соответствующим характером и динамикой человеческих сил. Неслучайно индивидуализм — яркое отражение мужского начала.

В онтологическом и антропологическом смысле природа отдельного человека и отдельного народа действительно содержит мужскую и женскую составляющие. «Мужское/женское» как в своем универсальном, символическом, так в онтологическом и антропологическом смысле имеют некие константы, которые обладают определенным изоморфизмом, неким соответствием сущностных черт. Мужское начало является носителем активности, деятельности, проявляется в тяге к господству, стремлении приказывать, надзирать, сдерживать и подавлять. Мужчина — это воин (первое убийство совершено мужчиной, а не женщиной), строитель, искатель приключений. Мужская модель построена на активном вмешательстве во внешний мир — с помощью орудий труда, оружия, механизмов, бизнеса, образования, науки, изобретений. Мужское поведение включает «Я-принцип», гордость, храбрость, риск, нетерпение, словесное и физическое воздействие.

Западная традиция в понимании «женского начала» коренным образом отличается от российской. Весьма показательно, что присущая Западу женофобия отчетливо коррелируется с «русофобией». Начиная с записок путешественников в Московию, Россия представляется Западу с его инструментальными ценностями, страной, основанной на ценностях альтернативных. Нашей стране, отмечает О. Рябов, инкриминируются те качества, которые в гендерной картине мира устойчиво маркируются как феминные: хаос, непредсказуемость, неспособность к самоконтролю, экстремизм, иррационализм, излишняя покорность, излишнее терпение, слабость воли, неумеренность во всем².

В отличие от Запада Россия ассоциируется преимущественно с «женским началом». На протяжении последних полутора веков отечественная мысль была заинтригована идеей женственности. К ней обращались, в частности, А.И. Герцен, К.Д. Кавелин, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, Н.О. Лосский, И.А. Ильин, Г.В. Флоровский, А.Г. Дугин и др. Идея женственности России была благосклонно воспринята потому, что она соотносилась с мировым женственным началом, трактуемым в космологическом и религиозном плане, имела более сложную структуру, отражающую сущностные характеристики русской цивилизации. Ее маркировка с помощью категории «женское» не является самодовлеющей. Она выступает в качестве ответной, защитной реакции на агрессивное акцентирование мужского начала Западом.

Сегодня в отношении к идее женственности России в отечественной культуре существуют две противоположные позиции. Одну из них выражает яркая фигура российской культуры Б. Гребенщиков, который полагает, что в истории человечества Россия выполняет свою определенную функцию: она оказывается носителем какой-то щемящей духовности, проявляющейся, в частности, в музыке. Такой музыки нет ни в Европе, ни в Америке, ни в Африке, а в России она есть, может быть, потому, что Россия — выразительница великой женственности. И это ощущают все, не только в России, но и во всем мире. Другую позицию представляет поэтесса Алина Витухновская. По ее мнению, ставшие привычными образы: Россия — женщина, Россия — матушка, родина-мать — устарели, а по сути они были навязаны русскому народу как содержащие некое политически подавляющее начало. Витухновская убеждена, что эта «женщина» и эта «мать» — не подлинная Россия.

Полярность данных высказываний (каждого по-своему правомерного) обусловлена тем, что они относятся к разным уровням понимания «женского начала»: один из них выражает космологический, духовный принцип, другой — параллельный ему, онтологический и антропологический. Смешивание этих уровней и проистекающая отсюда постоянная путаница, коренящаяся в их семантической схожести, порождает путаницу понятийную, влекущую за собой разногласия и непонимание сути проблемы.

Как известно, Россия унаследовала от Византии православие, которое очень глубоко вошло в русский быт, культуру и мировоззрение, пронизало всю жизнь страны, всецело определяя ее

сущность и характер народа. Христианское учение пришло в Россию вместе с образом Софии³. По признанию П.А. Флоренского, мы – народ софийный, Россия без Софии – *contradictio in adjecto*⁴. К Софии, несмотря на различные ее понимания, обращались многие русские философы на рубеже XX в. от Вл. Соловьева до П. Флоренского, пришедшие к софиологии, цель которой – постижение бытия как объективной духовной реальности. Интерес к Софии был обусловлен также и тем, что она несла в себе возвышенные, истинно христианские черты, которые находили свое отражение в характере и душе русского народа.

В религиозной православной традиции именно «женское начало» олицетворяет мощь, поскольку порождает большую духовную силу, которая в русской цивилизации проявляется и, в конечном счете, именуется как «мужественность», что и порождает понятийную путаницу. «Завоевание духовности, – писал Бердяев, – есть главная задача человеческой жизни. Но духовность нужно шире понимать, чем обыкновенно понимают. Духовность нужна и для борьбы, которую ведет человек в мире. Без духовности нельзя нести жертвы и совершать подвиги»⁵. «Женское начало» как начало возвышенное, религиозное определяет в духовном складе русского народа и народов России примат долга, его приоритет перед свободой, в то время как «мужское начало» Запада имеет иные приоритеты и ценности (свобода дороже долга). Так понимаемое «женское начало» российской цивилизации формировало русского воина, воина-защитника очага, родной земли. Оно же определяло и особую черту боевого духа российского воинства, для которого характерна не жестокость, а мужество и готовность к подвигу, самопожертвованию.

В этом смысле русская цивилизация принципиально отличается от европейской, которой постоянно угрожает декаданс вечно-мужественного: формализм, заорганизованность, чрезмерная трезвость, жесткая интенсивность, рационалистичность, эмпиристский релятивизм, безверие, революционный и воинственный дух (И.А. Ильин). Различие цивилизаций пронизательно подметил и Чаадаев, которому в современной отечественной литературе принято приписывать абсолютное западничество. Он замечал в связи с этим: «Возьмите любую эпоху в истории западных народов, сравните ее с тем, что представляем мы в 1835 году по Р.Х., и вы увидите, что у нас другое начало цивилизации, чем у этих народов... Поэтому нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое, выйти из лжи и

утвердиться в истине. Тогда мы пойдем вперед...»⁶. Чаадаев писал о зasilье «чужеземных идей» как о тяжком препятствии, которое необходимо преодолеть для плодотворного развития России.

Как уже отмечалось, семантическое тождество понятия «женского начала» в высшем космологическом и религиозном смысле с пониманием «женского» в антропологическом и природном смысле нередко приводило к сдвигу в сторону последнего. Такой сдвиг происходил прежде всего под внешним воздействием. Как отмечал Бердяев, немцы давно построили теорию, что русский народ — женственный и душевный в противоположность мужественному немецкому народу. Мужественный дух немецкого народа должен овладеть женственной душой русского народа. Вся эта теория была построена для оправдания германского империализма и германской воли к могуществу.

Сдвигу к антропологическому плану способствовало также и то обстоятельство, что, наделяя дух предикатами, возникшими при созерцании вещественного мира, мы тем самым, по мысли Бердяева, не улавливаем самой сути «духовного» и остаемся в плену объективации. Вот тогда и происходит определенное «скакивание» с более высокого уровня на более низкий в понимании «женского начала», которое имело место и в высказываниях русских философов. В самом деле, в антропологическом смысле природа заложила в модель женского начала жизненно важные категории охраны и восприимчивости, чистоту, самопожертвование, милосердие, чуткость, гармонию, равновесие, терпеливость. У женщины есть свой способ суждения и мир идей, манера созидать свое отношение к себе и другим. Женщины совершают меньше преступлений, чем мужчины — это всем известный факт, подтвержденный криминальной статистикой и данными повседневной жизни.

Попытки представлять и описывать «женское начало», пользуясь «овеществляющими» понятиями, неизбежно ведут к переходу от более высокого — космологического уровня размышлений о Духе к более низкому — характеристике души народа, что вполне укладывается в онтологический, антропологический или даже гендерный план, присущий также и западной цивилизации. В этом более низком плане уже можно говорить о сопоставимости понятий «мужское/женское» в той и другой цивилизации. У Бердяева, Розанова, Ильина, Леонтьева и других встречаются высказывания о «женском начале», которые относятся именно к этому уровню. Так, например, Бердяев говорил о «вечно бабьем в рус-

ской душе». Розанов отмечал у русских женственную уступчивость и мягкость. Данилевский видел в типических чертах славянского народа идеальное проявление женского характера и т.д. Такой же подход встречается и у некоторых современных авторов.

В целом можно согласиться с тем, что Россия — преимущественно «женская» цивилизация, но «женская» — именно в первоначальном, духовном смысле. Конечно, трагедии и драмы, которыми так изобиловала российская история, неисчислимые жертвы подрывали и истощали духовные силы народа, его истинную мужественность и волю к сопротивлению. Однако это не дает оснований для выводов о России как о стране с «женским началом», понимаемом в сугубо природном, гендерном смысле и, соответственно, наделяемой свойствами аморфности, покорности, безвольности, пассивности как изначально ей присущими родовыми чертами. Такие представления далеко не безобидны, ибо оказываются приглашением для «мужественных» сил в очередной раз проявить на российских просторах свое «дисциплинирующее, организующее и оформляющее» начало.

2. Практическое воплощение «мужского начала» западной цивилизации

«Мужское начало» западной цивилизации очень активно и напористо проявляло себя по отношению к России на всем протяжении истории вплоть до сегодняшнего дня. Но следует помнить, что у России в духовном плане была предшественница — ушедшая в небытие Византия, с которой далекие предки западной цивилизации поступали точно так же, как позднее их потомки действовали в отношении России.

Запад воспринимал и поныне воспринимает иные — даже и самые высокоразвитые — цивилизации планеты как не обладающие собственной безусловной ценностью, как «объекты» приложения своих сил. Это присуще мироощущению и «среднего» человека Запада, и крупнейших его мыслителей. Так, Франческо Петрарка — основоположник ренессансной культуры Запада — по поводу Византии высказывал пожелание, «чтобы позорная их империя и гнездо заблуждений были выкорчеваны»⁷. На чем же основывалось западное неприятие Византии? Во-первых, Византийская империя была идеократическим государством, т.е. государством, в котором была велика власть православных идей, власть идеала. Во-вторых, Запад отталкивала евразийская суть Византийской империи. В Византии никто не усматривал в людях, принадлеж-

ших к народам Азии и Восточной Европы, «недочеловеков». Для западных идеологов XVIII в. был неприемлем многоплеменной евразийский «котел» Византии.

Отторжение византийской «схизмы»⁸ воплотилось впоследствии в стойкое неприятие православной России, которая унаследовала от Византии аналогичные сущностные черты. Россия, подобно Византии, сложилась и как идеократическое, и как евразийское государство, т.е. в ней были воссозданы столь неприемлемые для Запада основополагающие черты государственности. Россия во всех своих ипостасях (Русь, Россия, Советский Союз) унаследовала не только основные черты Византии, но и ее не менее трагическую судьбу, которая прослеживается на всем протяжении ее истории. Перечислить основные драматические моменты этой судьбы в данной работе не представляется возможным. Но отдельные, наиболее значимые факты необходимо отметить.

1348 год — Римский папа издает буллу о Крестовом походе против Руси. Православная вера считается грехом, который искореняют вместе с его носителями.

В дальнейшем были предприняты четыре мощные попытки подчинить себе Россию. В XVII в. во главе этого движения стояла Польша, в XVIII — Швеция, в XIX — Франция. В XX в. дважды пытались покорить Россию немцы.

На рубеже XIX и XX вв. удары с Запада градом сыпались на Россию. Американцы, начиная с 90-х годов XIX в., финансировали все политические группы в России, ведя дело к свержению самодержавия.

Враждебность Англии к России, причем на протяжении не лет, а веков, прослеживается практически и по сей день.

В 1918 году были приняты решения — не просто организовать интервенцию в Россию, а уничтожить ее как государство, расчленив страну на фрагменты, каждый из которых будет зависеть и экономически, и с точки зрения безопасности от благоволения внешних сил. Немцы — официальные противники англичан, французов, американцев. Но англичане, французы и американцы поощряют деятельность Германии по отторжению Грузии, Прибалтики, Финляндии от России. Англичане пытаются оторвать от России Азербайджан, все среднеазиатские республики. А Франция занимается в основном Арменией. Печальное открытие в связи с этим сделал для себя лидер кадетской партии П. Милюков по поводу отношения к его родине союзников белого движения.

Находясь в эмиграции, в письме к руководителям Национального центра он сообщал о настроениях в лондонских высших сферах: «Теперь выдвигается в более грубой и откровенной форме идея эксплуатации России как колонии ради ее богатств и необходимости для Европы сырых материалов»⁹.

Вторая мировая война. Позицию американцев во время войны характеризует известный дипломат и ученый В. Фалин в одном из своих интервью: «В 1942 году комиссия Хэлла, разрабатывавшая американскую послевоенную политику, заключает следующее: “После войны мы должны привести в движение небо и землю, мы должны встать перед немцами на колени, чтобы они стали нашими союзниками в борьбе против Советского Союза”»¹⁰.

18 августа 1948 г. Совет Национальной безопасности США принял директиву 20/1 «Цели США в войне против России», которая была впервые опубликована в США в 1978 г. в сборнике «Сдерживание: Документы об американской политике и стратегии 1945 – 1950 гг.»¹¹. Согласно этой директиве, Россия (СССР) подвергалась тайной агрессии нового типа, где оружием служит информация, а борьба ведется не за территорию, а за целенаправленное изменение общественного сознания для того, чтобы, внедрив в него ложные представления об окружающем мире, манипулировать и правящей элитой, и населением страны. Программные документы холодной войны, полные ненависти к России, сравнимы с ненавистью крестоносцев к Византии в 1204 г., а ведь эту ненависть, как отмечал С.Г. Кара-Мурза, затрудняются рационально объяснить даже фундаментальные монографии по истории.

Итоги подобной деятельности подвел в октябре 1995 г. президент Клинтон на совещании Комитета начальников штабов: «Последние 10 лет политика в отношении СССР и их союзников доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока... В ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем: расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы в Югославии; окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии; установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам. Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна – США»¹².

После победоносной для Запада «холодной войны» плод, столетиями вынашиваемый «мужской» цивилизацией, окончательно созрел, что и констатировал американский ученый Г. Борк в книге

«Сползание в Гоморру: современный либерализм и закат Америки», сразу ставшей бестселлером. Автор подчеркивает, что западная цивилизация на сей раз столкнулась и, как кажется, отступает перед атакой, возглавляемой силой, которая не только находится внутри западной цивилизации, но, возможно, представляет собой ее законное дитя. Это дитя — современный либерализм, который, по мнению автора, влечет за собой культурную и социальную деградацию¹³.

Заканчивая краткий экскурс в историю взаимоотношений российской и западной цивилизаций, можно отметить, что такой большой временной масштаб дает более верное и адекватное представление об основных константах гипермужской западной цивилизации. Вся ее история, начиная с уничтожения византийской империи и кончая уничтожением российской, свидетельствует о том, что для нее западная империя — это то, что достойно существования и процветания, а восточные — не только чудовищны, но и вообще не имеют права на существование.

3. Некоторые черты новой российской социальной реальности

Какие выводы напрашиваются из сопоставления цивилизаций как «мужской» и «женской» для понимания сущности новой российской социальной реальности? Прежде всего, становится ясно, что идущее из далекого прошлого и до сих пор неустранимое, одностороннее воздействие Запада на российскую социальную реальность оказывается гораздо более значимым, чем это может показаться на первый взгляд. Характер такого воздействия, приобретая почти метафизический смысл, постоянно воспроизводится в логике отношений Запада и России как модель и как прогноз. Красноречивым примером тому служит гайдаровская реформа, которая осуществлялась при непосредственном участии и идейном влиянии иностранных советников, западных институтов, фондов и структур.

В результате их деятельности в структурах российского социального бытия стали происходить какие-то странные мутации, деформирующие все связи и отношения, начались процессы деградации и деструкции социальности, которые можно рассматривать как проявление инверсии. Сложившаяся под влиянием Запада постсоветская линия развития страны, основанная на радикальном отказе от прошлого экономического, политического уклада, традиционной системы ценностей и смене вектора во всех областях

общественной жизни на обратный, составляет суть такой инверсии. По логике инверсии, все меняется на свою противоположность, т.е. способно превратиться из черного в белое и, наоборот, из добра во зло, из прекрасного в безобразное, из правды в ложь и т.д., подменяя один полюс другим. В итоге человек перестает понимать, где добро, а где зло. В связи с этим интересно вспомнить, что во Франции в начале XX в., когда человек путал понятия добра и зла, это давало основание французским психиатрам ставить диагноз — моральное помешательство как первая ступень шизофрении. Инверсия в России пронизывает всю жизнедеятельность человека, государства и общества, лежит в основе многих социальных преобразований, являясь важнейшим риском для политической стабильности России, ее политического настоящего и будущего.

Большое значение в данном контексте имеет и такое понятие, незаметно и прочно вошедшее в обиход общественной жизни, как «беспредел», которое дополняет общую картину. «Беспредел» — термин, имеющий уголовное происхождение¹⁴, однако в последние два десятилетия он стал символом исключительно постперестроечного времени и часто употребляется в печати. В своем новом воплощении «беспредел» означает игнорирование правовых и социальных норм государства, неограниченный произвол, всепоглощающую коррупцию. Он обнаруживается во всех сферах государственной и общественной жизни.

Негативный сдвиг, произошедший в российском государстве и обществе в связи с возникновением целого ряда деструктивных явлений, катализирует теоретический и практический интерес к «нормальным» формам существования социальной реальности. Потребность в выявлении правильных, нормальных взаимоотношений государства, общества и человека ощущается очень остро. Она отражается в частой фиксации различных социальных явлений в терминах нормальности/ненормальности, а также в повышенном внимании общественного сознания к самому понятию «нормальности», которое в современном социальном контексте является относительно новым. Следует заметить, что понятия абсолютной нормальности нет и не может быть. По большому счету вопрос о «нормальности» не имеет однозначного ответа точно так же, как вопрос о смысле жизни. Однако существуют представления о нормальности и ненормальности, выработанные в различных культурных сообществах.

В отличие от нормальности инверсия, ненормальность стали исходной логической формой познания и одними из ключевых

понятий, отражающих современную социальную реальность России. Следует заметить также, что понятие «нормальность» в России употребляется главным образом в сфере должного, а инверсия, ненормальность — в сфере актуального настоящего. В такой ситуации философии по большому счету делать нечего, поэтому исследователям больше ничего не остается, как констатировать различные варианты ненормальности, чем и заполнено, по существу, большинство работ, посвященных социальной проблематике.

В инверсионном государстве для многих людей наиболее серьезной проблемой представляется сегодня не недостаточность политических свобод и возможностей для выражения своих политических взглядов, а беззаконие, отсутствие в стране порядка и справедливой судебной системы¹⁵. Согласно социологическим опросам, только высокостатусное меньшинство склонно определять современное российское общество как «нормальное». Большинству же населения совокупность множества негативных факторов не позволяет считать свое общество «нормальным».

Ненормальное, инверсионное общество утрачивает интерес к целям — не только великим и возвышенным, но и более скромным. Цель теряет свое значение, поскольку исчезает будущее, которое оказалось как бы украденным. В результате общество все больше превращается в безликий «электорат», в аморфную массу «потребителей» и «клиентов».

В ненормальном обществе быть нормальным ненормально, поэтому человеку стремятся привить пришедшие с Запада представления о «новой нормальности», внедряя понятие «непрерывной патологизации», которая является отнюдь не ненормальностью, а лишь неким механизмом эволюции человека. В результате стали исчезать ясные критерии, помогающие отличить человека «нормального» от «ненормального», границы между ними оказываются размытыми. Исторический опыт свидетельствует, что народ вырождается и исчезает даже не тогда, когда в нем слишком много людей с патологическим поведением (хотя это тоже важный фактор), но тогда, когда падает до некоторого критического уровня понятие «нормы», «должного и ценного», когда исчезает представление о социально приемлемом, осознание ненормальности.

Все это происходит под прямым и жестким воздействием современной западной «мужской» цивилизации, которая оказывает разрушающее влияние на культурную, историческую и духовную идентификацию человека в России, нивелирует исторически сложившуюся защитную, «иммунную систему» в виде ценностей

национальной культуры, традиционного или хоть как-то осмысленного образа жизни.

Какие выводы можно сделать из вышеизложенного? За длительный период существования западной «мужской» цивилизации, с ярко выраженным прозелитизмом и экспансионизмом в отношении России, ее представители весьма преуспели в своих устремлениях: В России сформировалась и созрела достаточно перекошенная, инверсионная социально-политическая реальность. Если когда-то западные завоевания с помощью грубой силы затрагивали людей только телесно, то сегодня они проходят в более тонкой сфере, отравляя умы людей и убивая в них всякую духовность. Правда, в последнее время в стране, кажется, наметилась тенденция к тому, чтобы изменить взгляды на мир и собственное место в нем. Мутагенное, инверсионное, противоречивое, с зигзагами и отступлениями, но все же проглядывается движение современной России в сторону восстановления своего статуса цивилизации. В стране появилось стремление к поиску инструментов для овладения контролируемым хаосом, создания солидарного порядка, вновь начались разговоры о модернизации.

В то же время на самом Западе господство однобокого мужского начала привело к глубокому и всеобъемлющему кризису. Под влиянием сложных проблем современности западная мужская цивилизация начинает формировать новые стандарты взаимодействия. Намечающиеся изменения в лоне западной цивилизации дают робкие надежды и на будущее нормальное развитие России, которой предстоит осознать, что принятая Западом сугубо индивидуалистическая (мужская) парадигма, если и не полностью исчерпала свои потенции, то, во всяком случае, потеряла свое бывшее преимущество перед органической, женской парадигмой. А значит, у России появляется шанс предпринять переоценку своих возможностей познавать окружающий мир и влиять на него в современных условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Тарнас Р.* История западного мышления. – М., 1995. – С. 378.

² См.: *Рябов О.В.* Идея женственности России в сочинениях В.С. Соловьева (<http://cens.ivanovo.ac.ru/olegria/ideya-zhenstvennosti-rossii.htm>). – С. 2, 5).

³ Согласно традиционной православной догматике, под Софией понимается второе лицо Св. Троицы – Бог-Сын. Именно он в православном богословии является ипостасной и живой Премудростью Бога-Отца.

В русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. София отождествляется также с Церковью, Богородицей, Ангелом-Хранителем, иногда рассматривается как особая женственная Ипостась Божества.

⁴ Противоречие в определении (лат.).

⁵ Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного в человеке. – М., 2006. – С. 320.

⁶ Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. Т. 2. – М., 1991. – С. 98.

⁷ Цит. по: Кожин В. История Руси. Современный взгляд. – М., 2000. – С. 43.

⁸ Схизма (греч. schisma, буквально – расщепление), разделение христианской церкви на католическую и православную.

⁹ Цит. по: Ланичиков А.П. Дар судьбы // Солоневич И. Народная монархия. – М., 1991. – С. 506.

¹⁰ Русская линия / Библиотека периодической печати / Второй фронт или Третья Мировая? (<http://www.narodinfo.ru/articles/38913.html>).

¹¹ Цели США в войне против России – Форум Первоуральска (NET// <http://www.pervouralska.net/forum/showthread.php?t=18985>).

¹² Речь Б. Клинтона на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов (<http://www.anti-orange-ua.com.ru/content/view/185/1>).

¹³ Bork R.H. Slouching Towards Gomorrah, Modern Liberalism and American Decline. – N. Y., 1996.

¹⁴ Термин «беспредел» появился в 1940 – 1950-х годах во время войны между профессиональными преступниками-ортодоксами и уголовниками, которые не соблюдали неписанные законы – нормы поведения, принятые в воровском мире.

¹⁵ См.: Козырева П.М. Правовое сознание и доверие // Полис. 2008. № 4. – С. 86.

Аннотация

В статье дается сравнительный анализ исходных глубинных принципов западной и российской цивилизаций, делается попытка показать универсальные закономерности их взаимодействия и их практическое воплощение в современной российской социально-политической реальности.

Ключевые слова:

мужская цивилизация, женская цивилизация, государство, общество, человек, порядок, нормальность/ненормальность.

Summary

The paper represents the comparative analysis of the initial primary principles of the Western and Russian civilizations. It shows regularities of their interactions and their practical realization in the modern Russian social and political reality.

Keywords:

«Male» civilization, «Female» civilization, state, person, order, normality/unnormality.